

Е. В. КАЛМЫКОВА

НЕЗАКОНЧЕННАЯ ВОЙНА ПРИТЯЗАНИЯ АНГЛИЙСКИХ КОРОЛЕЙ НА ФРАНЦУЗСКУЮ КОРОНУ ПОСЛЕ 1453 ГОДА

Условная дата окончания Столетней войны — 19 октября 1453 г. (день, когда французам был сдан Бордо) — прочно утвердилась в исторической традиции еще в XIX в. Многие ученые до сих пор разделяют точку зрения, согласно с которой после 1453 г. у англичан не было никаких надежд на возвращение французской короны, а «Карл VII стал первым в своей династии единственным королем Франции»¹. Между тем, более внимательный анализ источников наглядно свидетельствует о том, что ни в 1453 г., ни впоследствии сами англичане (впрочем, так же как и их противники) не были склонны считать вековой спор за французскую корону окончанным.

Специалистам по истории Столетней войны прекрасно известно, что последний период этого конфликта очень плохо отражен в современных ему английских источниках. Когда на смену триумфам пришли поражения, война во Франции практически перестала интересовать английских историографов. Позднее авторы тюдоровской эпохи были вынуждены описывать эти события, используя исключительно французские тексты. Воспринимая, при определенном допущении, исторические труды как вполне приемлемый источник для изучения общественного мнения, можно заключить, что, начиная с 30–40-х годов XV в., англичане в массе своей попросту перестали следить за войной на континенте, полностью сосредоточившись на внутривосточных проблемах.

Говоря о восприятии знакового с точки зрения современных исследователей события — взятия Бордо французами 19 октября 1453 г. — хочется напомнить, что столица английской Гиени оказывалась в руках врагов уже не в первый раз. Например, 30 июня 1451 г. войска Карла VII заняли город, однако осенью следующего года он был отвоеван армией под командованием Джона Тальбота. Следова-

¹ *Palmer J. The War Aims of the Protagonists and the Negotiations for Peace // The Hundred Years War / Ed. K. Fowler. L., 1971. P. 53.*

тельно, уход англичан в 1453 г. вполне мог трактоваться современниками в качестве временной неудачи. Наконец, отсутствие какой-либо договоренности по поводу королевского титула позволяло по-прежнему считать Генриха VI истинным государем Франции. Более того, сохранение этого титула за английскими королями продолжалось даже после того, как на смену династии Ланкастеров пришли Йорки, которых в свою очередь сменили Тюдоры и Стюарты.

Эпоха Войны Роз является весьма любопытным периодом в истории англо-французских отношений, ибо, с одной стороны, английские короли не только формально сохраняли за собой титул французских монархов, но и порой серьезно вынашивали планы по отвоеванию некогда принадлежавших Англии континентальных владений, с другой, сосредоточенные, прежде всего, на борьбе друг с другом Ланкастеры и Йорки нередко искали союза с французской короной. В свою очередь Людовик XI не только опасался возможной войны с Англией, но одновременно стремился вступить с ней в коалицию против герцога Бургундского Карла Смелого. Впрочем, последний не хуже своего сеньора осознавал выгоду, которую сулили дружба с Англией, а посему не жалел средств и сил для разжигания англо-французских противоречий.

В 1461–1462 гг. подстрекательства герцога Бургундского сделали приготовления Эдуарда IV к войне настолько серьезными, что английский посол Джон Уинлок получил инструкцию заявить при французском дворе о правах английского короля на французскую корону и потребовать возвращения герцогств Нормандии и Гиени, а также графств Мена и Анжу². Выступление английского посла не просто вызвало недовольство во Франции, но вынудило Людовика XI поддержать бежавшую из Англии жену свергнутого Генриха VI Маргариту Анжуйскую. Предоставив королеве 20 тысяч ливров под залог Кале и право набирать войска и арендовать суда в Нормандии, Людовик XI инициировал очередную попытку ланкастерцев добиться реванша в борьбе за английский престол, на время обезопасив себя от перспективы английского вторжения.

Вскоре череда военных побед йоркистов подтолкнула готового предать любого союзника ради собственной выгоды Людовика XI на

² Calmette J. Périnelle G. Louis XI et Angleterre. P., 1930. P. 14–15.

заключение договора с Эдуардом IV. Людовику удалось привлечь на свою сторону главного советника Эдуарда Ричарда Невилла, графа Уорика. В 1467 г. Уорик вел переговоры о браке французского короля с сестрой Эдуарда Маргаритой Йоркской. Однако победа снова досталась Карлу Смелому, который сам женился на английской принцессе и подтвердил дружеские отношения с королем Эдуардом. В ответ Людовик смог провернуть, как казалось, нереальную операцию — свести вместе заклятых врагов — королеву Маргариту Анжуйскую и графа Уорика, которому Эдуард IV и был обязан своей короной. Результатом этого союза стал мятеж Уорика и его зятя, родного брата Эдуарда IV, герцога Кларенса, приведший к бегству английского короля в Бургундию и временной реставрации на престоле Генриха VI. После поражения восстания и возвращения Эдуарда IV в 1471 г., Людовик продолжил подстрекать шотландцев к нападению на северную границу Англии, а также поддерживал в Уэльсе продолжающего оказывать сопротивление Джаспера Тюдора.

В начале 70-х гг. XV в. идея войны во Франции занимала мысли не только Эдуарда IV, но и его подданных. При этом, что особенно показательно, грядущая война воспринималась исключительно как продолжение «старой» войны за французскую корону. Анализ парламентских дебатов 1472–1475 гг. наглядно демонстрирует чрезвычайную популярность в английском обществе того времени идеи восстановления «*jus Regium in Regno Franciae*», что означало войну с Францией под девизом возвращения короны ее «законным наследникам»³. Примечательно, что даже архиепископ Кентерберийский призывал «ради спокойствия и благополучия» подданных английской короны выступить против старинного врага и отвоевать у него не только Нормандию и Гиень, но и все Французское королевство, принадлежавшее Эдуарду IV по праву⁴. По свидетельству современников, вопрос о войне во Франции обсуждался в парламенте чаще других. Воодушевленные патриотическими речами многочисленных ораторов, напомнивших депутатам о военных подвигах и достиже-

³ Lander J. R. *Crown and Nobility, 1450–1509*. L., 1976. Ch. 9: The Hundred Years' War and Edward IV's 1475 Campaign in France. P. 220–241.

⁴ *Litterae Cantuarienses* / Ed. by J. B. Sheppard. Rolls Series. L., 1889. Vol. III. P. 279; Lander J. R. *Op. cit.* P. 228–230.

ниях былых времен, лорды и общины предоставили королю для организации французской кампании несколько больших субсидий⁵. В 1473 г. миланский посол при французском дворе отправил домой донесение о том, что «сам король Эдуард не настолько жаждет войны с Францией, как его подданные»⁶. Позже этот же посол в очередном письме на родину непосредственно указал на герцога Бургундского как на главного подстрекателя англичан к войне против Франции⁷. В том же году шотландский король Яков III сделал Людовику XI дружеское предложение: за 10 тысяч крон удерживать Эдуарда IV в Англии и, в случае необходимости, напасть на южного соседа, если тот все же решит вторгнуться во Францию⁸.

В 1475 г. английский король от слов перешел к делу, отправив на помощь воюющему с Людовиком XI герцогу Бургундскому Карлу Смелому 20 000 латников. Написанные в этот период строки анонимного английского поэта свидетельствуют о его воодушевлении по поводу возобновления войны за французскую корону:

Позор длительному промедлению,
Ведь завоевание столь доблестно
И запечатлено в предании⁹.

Впрочем, радость подданных английской короны была явно преждевременной. Готовность французского короля расстаться со значительной суммой денег (75 000 экю одновременно плюс ежегодные выплаты по 50 000 экю) принесла Англии мир, а Бургундию лишила военного союзника.

В 1488 г. другой английских монарх, Генрих VII, решил воспользоваться старыми притязаниями английских королей на суверенитет над Бретанью, чтобы вмешаться во франко-бретонские отно-

⁵ *Historiae Croylandensis Continuatio // Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum* / Ed. W. Fulman. Vol. I. Oxford, 1684. P. 557–558. Цит. по: *Lander J. R.* Op. cit. P. 226.

⁶ *The Calendar of State Papers and Manuscripts, existing in the Archives and Collection of Milan* / Ed. by A. B. Hinds. L., 1912. P. 177.

⁷ *Ibid.* P. 183.

⁸ *Scofield C. L.* *Life and Reign of Edward IV.* L., 1923. Vol. II. P. 53–54; *Lander J. R.* Op. cit. P. 227.

⁹ *Historical Poems of the Fourteenth and Fifteenth Centuries* / Ed. by R. H. Robbins. N.Y., 1959. P. 92.

шения и взять под свою опеку юную герцогиню Анну¹⁰, помешав, таким образом, французскому королю захватить герцогство. Парламент специально выделил королю значительные субсидии, а члены Большого совета предоставили ему заем для оплаты наемников, первая партия которых прибыла в Бретань в апреле 1489 г. Летом, а также на следующий год король продолжил вербовку своих подданных для отправки в Бретань. С конца мая и до середины сентября 1490 г. во всех графствах Англии зачитывались королевские прокламации, в которых король Генрих не только информировал подданных о ходе бретонской кампании, но и сообщал о готовности в случае необходимости начать англо-французскую войну. Эти прокламации дали новый импульс разговорам о французском наследстве.

Открывая в октябре 1491 г. парламент, Генрих VII прямо заявил о намерении воевать за французскую корону: «Милорды, и вы, представители общин; когда я собирался вести войну в Бретани, поручив командование своему военачальнику, то объявить об этом поручил канцлеру. Но теперь, когда я предполагаю вести войну с Францией самолично, я сам и объявляю вам об этом. Целью той войны была защита прав другого, цель этой — восстановление нашего собственного права»¹¹. Затем Генрих напомнил подданным о славных победах прошлого — Креси, Пуатье, Азенкуре, посетовал на то, что внутренние раздоры в Англии лишили его предков французских земель, а также высказал уверенность в том, что с Божьей помощью и при поддержке верного народа ему удастся отвоевать французскую корону¹². Любопытно, что сложившееся еще в эпоху континентальных кампаний Эдуарда III расхожее представление о том, что война во Франции сулит материальное благополучие англичанам, нашло отражение и в речи Генриха VII, заметившего: «Франция — не пустыня, и я, исповедуя бережливость, надеюсь повести дело так, чтобы война (по прошествии первых дней) окупала себя»¹³.

¹⁰ На этом поприще Генрих достиг немалых успехов: 15 февраля 1490 г. герцогиня Анна обязалась не вступать в брак и не объявлять ни войны, ни мира без согласия английского короля.

¹¹ *Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII / Пер. В. Р. Рокитянского и А. Э. Яврумяна. М., 1990. С. 62.

¹² Там же. С. 62–63.

¹³ *Бэкон Ф.* Указ. соч. С. 63.

6 октября 1492 г. Генрих VII во главе внушительной армии высадился в Кале. В период начала военной кампании неизвестный английский поэт, сравнивая короля с распускающейся розой, воспел его право на французское королевство¹⁴. Однако, как отмечает в «Истории правления Генриха VII» Фрэнсис Бэкон, не успела английская армия высадиться на континенте, как сразу же «повеяло миром»¹⁵. В отличие от Генриха V, для Генриха VII война за французскую корону была не более чем эффектным маневром, проделав который, этот мудрый политик охотно заключил выгодный для себя мир с Карлом VIII. Дорогостоящей погоне за призрачной короной Генрих VII, так же как Эдуард IV, предпочел реальные деньги — 745 000 крон¹⁶. Примечательно, что заключенный сразу же после начала кампании мир вызвал, по свидетельству Фрэнсиса Бэкона, «большое недовольство дворянства и главных мужей армии, многие из которых продали или заложили свои имения в надежде на военную добычу... А некоторые потешались над словами, которые король произнес в парламенте — если война начнется, то он не сомневается, что она окупится, — и говорили, король сдержал обещание»¹⁷.

Между тем, подписанный Генрихом VII договор о мире с Францией вовсе не означал окончательного отказа англичан от идеи отовоевания французской короны. Его сын и наследник, Генрих VIII, не только сохранил доставшуюся от предков титулатуру «*goy d'Angleterre, et France, et seigneur d'Irlande*» или, в латинском варианте, — «*rex Franciae et Angliae ac dominus Hiberniae*»¹⁸, но в 1513 г.

¹⁴ Lander J. R. Op. cit. P. 36.

¹⁵ Бэкон Ф. Указ. соч. С. 70.

¹⁶ Эта сумма должна была выплачиваться Генриху и его наследникам полугодовыми взносами по 25 тысяч франков до полного погашения. Договором был установлен следующий курс: франк — 20 су, крона — 35 су. Полугодовые выплаты продолжались до 1514 г., когда Генрих VIII заявил о новых финансовых претензиях (как наследник Маргариты Сомерсетской), размер которых вместе с остатком прежнего долга составил миллион крон. Людовик XII обязался выплатить эту сумму полугодовыми взносами по 50 тысяч франков каждый (см.: Примечания Дж. Спеддинга к «Истории правления короля Генриха VII» Ф. Бэкона // Бэкон Ф. Указ. соч. С. 274–275).

¹⁷ Бэкон Ф. Указ. соч. С. 71.

¹⁸ Gunn S. J. The French Wars of Henry VIII // The Origins of War in Early Modern Europe / Ed. by J. Black. Edinburgh, 1987. P. 28–51; *Idem*. Chivalry and the

лично возглавил тридцатитысячную английскую армию в войне против «узурпатора». Безусловно, более глубокий анализ причин англо-французских конфликтов в правление Генриха VIII выявит, помимо личных политических амбиций короля, его обязательства перед родственниками жены Екатерины Арагонской, а также (по крайней мере, на первом этапе) религиозное рвение и желание поддержать папу, призвавшего весь христианский мир выступить против «тирана» и «схизматика» Людовика XII. Дальнейшее развитие событий показывает, что Генрих был куда более тонким и умелым дипломатом, чем могло сначала показаться представителям рода Габсбургов, пытавшимся использовать союзника исключительно в своих интересах. Поддерживая определенный баланс сил на континенте, Генрих впоследствии умело лавировал между Францией и государствами Габсбургов, сближаясь то с одной державой, то с другой. Потратив баснословные деньги на организацию грандиозных торжеств в честь заключенного в 1520 г. на «Поле Золотой Парчи»¹⁹ мира с Франциском I, Генрих вскоре стал вынашивать планы новой французской кампании. Однако в данном случае я бы хотела обратить внимание не на анализ «истинных» причин англо-французских конфликтов, а на сопровождавшую их риторику.

Первой французской войне Генриха VIII предшествовала публикация папской буллы, призывавшей христиан к справедливой войне против схизматика. Важно отметить, что в Англии эта булла была издана вместе с трактатом Джеймса Уитстонса, в котором не

Politics of The Early Tudor Court // *Chivalry in The Renaissance* / Ed. by S. Anglo. Woodbridge, 1990. P. 107–128; *Idem*. Henry VIII's Foreign Policy and The Tudor Cult of Chivalry // *François I et Henri VIII: deux princes de la Renaissance (1515–1547)* / Ed. par Ch. Giry-DeLoison. P., 1995; *Richardson G.* Eternal Peace, Occasional War Anglo-French Relations under Henry VIII // *Tudor England and Its Neighbours* / Ed. S. Doran and G. Richardson. Basingstoke, 2005. P. 45–46; *Davies C. S. L.* «Roy de France et roy d'Angleterre»: the English Claims to France, 1453–1558 // *Publications du Centre Européen d'Etudes Bourguignonnes (XIVe – XVIe siècles)*. Vol. XXXV (1995). P. 123–132.

¹⁹ В 1520 г. между Ардром и Гином близ Кале состоялась встреча Генриха VIII и Франциска I. Торжества по поводу заключения мирного договора сопровождались пирами и турнирами. Многочисленные приглашенные гости разместились в богатых расшитых золотом шатрах (отсюда название праздника); «дизайн» английских палаток был разработан Гансом Гольбейном.

только обличались проступки французского короля против христианской веры, но и разбирались все обоснования прав английского государя на французскую корону.

Королевская кампания была короткой, но весьма удачной. Английская армия выступила из Кале 21 июля 1513 г. и вскоре соединилась с союзным войском императора Максимилиана Габсбурга. Осада Тербуана была весьма непродолжительной: после одержанной над французами 16 августа победы в Битве шпор при Гингейте, город поспешил капитулировать перед своим «законным господином». Важно отметить, что даже сам император обозначил захват Тербуана, как «отвоевание города королем Франции и Англии»²⁰. В начале сентября объединенная армия подошла к Турне. Местоположение этого богатого торгового города на границе между подвластной Франции Фландрией и графством Геннегау, вошедшим в состав империи благодаря браку Максимилиана с Марией Бургундской, превращало его в желанный трофей для обоих союзников. 10 сентября император потребовал, чтобы горожане определились с государственной принадлежностью Турне — «французской» или «имперской», после чего сдали его законному сеньору²¹. Говоря об осаде Турне, необходимо упомянуть одну немаловажную деталь: еще по договору 1478 г. между Империей и Францией (подтвержденному непосредственно 3 сентября 1513 г.) город должен был сохранять нейтралитет в войне и не содержать гарнизон. Впрочем, защита интересов «истинного короля Франции» снимала с Максимилиана моральную ответственность за нарушение договора. Не имея возможности оказать сопротивление войскам противников, горожане Турне предпочли сохранить формальную верность Франции и 23 сентября покорились Генриху, как своему господину и суверену — «le roy très chrestien Henry, par la grace de Dieu roy de France et d'Angleterre»²². Уже 12 октября Генрих отправил письмо папе Льву X «ex urbe nostro

²⁰ Correspondance de Maximilien I et Marguerite d'Autriche / Ed. A. J. G. Le Glay. Société de l'Histoire de France. P., 1839. Vol. II. P. 196.

²¹ Hocquet A. Tournai et l'occupation anglaise (1513–1519) // Annales de la Société historique et archéologique de Tournai. T. 5 (1900). P. 368.

²² Davies C. S. L. Tournai and the English Crown, 1513–1519 // Historical Journal. Vol. XLI (1998). P. 4–6.

Торнасо», подписав его традиционным титулом «Rex Franciae et Angliae ac Dominus Hiberniae»²³.

В свете разговора о притязаниях Генриха VIII на французскую корону любопытно остановиться на проблеме организации управления завоеванными территориями. С одной стороны, у английского короля была возможность использовать опыт управления Кале. Однако, с другой стороны, правовой статус Кале принципиально отличался от статуса земель вокруг Турне. Дело в том, что еще по договору в Бретиньи 1360 г. Кале, а также ряд территорий на севере (графство Гин и город Мерк) и юго-западе Франции (Пуату, Гиень, Гасконь, Беарн) передавались Эдуарду III и его потомкам в полное суверенное правление. Между тем, 18 параграф подписанного в 1420 г. договора в Труа гласил, что Нормандия переходила к Генриху V в суверенное владение лишь до момента его восшествия на французский престол, после чего герцогство и другие «завоеванные земли» попадали под юрисдикцию и подчинение французской короны («la duchié de Normandie et les autres et chascun liex par lui conquis ou royaume de France seront soubz la jurisdiction, obeissance et monarchie de la couronne de France»). Таким образом, этот договор определял Нормандию как часть Франции, а не как особое владение английских королей. Напротив, отсутствие упоминаний о Кале и Гаскони в договоре свидетельствует о том, что эти территории получили подтверждение статуса «английских земель», что соответствовало миру в Бретиньи. Следовательно, Генрих владел ими на правах английского короля, в то время как Нормандию он получил в качестве наследника французской короны, подобно тому, как Капетинги или Валуа жаловали ее в качестве апанажа своим сыновьям в прежние времена²⁴. Не стоит забывать и о том, что сразу после захвата Кале в 1347 г. город был заселен англичанами. Тот же Генрих VIII в прокламации 1512 г. назвал жителей Кале «добрыми англичанами»²⁵. А в парламентском

²³ Ibid. P. 14.

²⁴ Филипп VI и Иоанн II, будучи наследниками французского престола, носили титул герцогов Нормандии. После их коронации герцогство вернулось под контроль французской короны.

²⁵ Tudor Royal Proclamations / Ed. by P. L. Hughes and G. F. Larkin. New Haven, 1964. Vol. I. N. 64.

билле 1536 г. сам город охарактеризован как «главное сокровище Английского королевства»²⁶.

Как верные подданные Генриха VIII жители Турне получили право свободного въезда и торговли в Англии, а также были уравнены с англичанами во всех правах²⁷. Упоминание о новой провинции было включено в текст королевских прокламаций сразу после Гаскони²⁸. Последнее обстоятельство также свидетельствует о том, что утрата континентальных владений воспринималась в Англии в качестве временного явления. Однако это вовсе не означает, что, подобно Кале, территории вокруг Турне считались подвластными английской короне. Во главе городской администрации Генрих, как и следовало ожидать, поставил доверенных людей из числа своих английских подданных (первоначально должность управляющего и бальи исполнял сэр Эдвард Понингс, которого потом сменили лорд Монжуа и сэр Ричард Дженингхэм), однако прево и эшеваны избирались из местных жителей²⁹. Учреждая 26 февраля 1514 г. в городе новый королевский суд, Генрих, позиционирующий себя в качестве французского монарха, объяснил это решение временной необходимостью, вызванной мятежным состоянием суда парижского парламента³⁰. 18 ноября 1513 г. Генрих VIII издал ордонанс, подтверждающий все прежние привилегии его французских подданных, а также приказал им избрать представителей для участия в заседании английского парламента³¹. Последнее вовсе не означает, что горожан

²⁶ Statutes of the Realm / Ed. by A. Ludens. 11 vols. L., 1810–1828. Vol. III. P. 632.

²⁷ Cruickshank C. G. The English Occupation of Tournai, 1513–1519. Oxford, 1971. P. 198, 268; Hocquet A. Op. cit. P. 438; Davies C.S.L. Op. cit. P. 10.

²⁸ Statutes of the Realm. Vol. III. P. 153.

²⁹ Cruickshank C. G. Op. cit. P. 189; Davies C.S.L. Op. cit. P. 6–7.

³⁰ Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunq[ue] generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates / Ed. Th. Rymer. Hagae, 1739–1745. Vol. XIII. P. 519–520; Hocquet A. Op. cit. P. 413–415; Cruickshank C. G. Op. cit. P. 193–195.

³¹ Членам городского совета не сразу удалось сделать правильный выбор: например, одно из собраний было распущено, поскольку гильдейские знамена были украшены гербом Людовика XI. Тем не менее, в парламенте 1514 г. были представлены депутаты из Турне. Hocquet A. Op. cit. P. 410–413; Davies C. S. L. Op. cit. P. 7–9.

Турне пригласили в парламент в качестве полноценных депутатов, а не только для обсуждения вопросов, связанных с управлением французскими землями. Это предположение основано на том, что за весь период английской оккупации (с 1513 по 1519 гг.) представители Турне присутствовали в парламенте лишь один раз.

Не вдаваясь в излишние подробности, отмечу, что новый англо-французский мир был заключен летом 1514 г. В отличие от его предшественников, Генриху не удалось пополнить английскую казну за счет французских репараций: стоившая около миллиона фунтов война нанесла серьезный удар по государственному бюджету. Организованный в 1518 г. кардиналом Уолси, именуемым в народе «вторым королем», мир с Францией был скреплен браком Людовика XII и сестры Генриха принцессы Марии. По условиям подписанного в Лондоне договора Генрих VIII передавал Людовику Турне и другие завоеванные в 1513 г. земли. Однако мир этот продержался недолго. Уже в 1523 г. герцог Суффолк, новый муж овдовевшей через пять месяцев после свадьбы с французским королем принцессы Марии, снова повел английские войска во Францию. И вновь, захватывая города и замки на Сомме, английский полководец приводил их жителей к присяге на верность Генриху VIII как королю Франции³². Пленение Франциска I в битве при Павии в марте 1525 г. подстегнуло притязания Генриха на французский престол. Впрочем, порой английский король был готов довольствоваться признанием за ним титулов герцога Нормандии и Аквитании³³.

Активная внешняя политика Генриха VIII в отношении Франции способствовала росту интереса у его подданных к истории взаимоотношений этих двух королевств, в первую очередь к истории войны за французскую корону. Непосредственно в 1513 г. в Англии вышел первый перевод на английский «Жизни непобедимого Генриха V» — биографии, написанной в 1437 г. по заказу брата короля герцога Глостера итальянским гуманистом Титом Ливием Фрулове-зи. Затем в 1523–1525 гг. последовал перевод хроник Жана Фруасса-

³² Gunn S. J. The Duke of Suffolk's March on Paris in 1523 // *English Historical Review*. Vol. CI (1986). P. 616–619.

³³ Taylor G. Introduction // *Debating the Hundred Years War: "Pour ce que plusieurs (La Loy Salicque)" and "A Declaration of the Trew and Dewe Title of Henrie VIII"*. L., 2006. P. 32.

ра, а также новое издание пропагандистских стихов Джона Лидгейта. Помимо переиздания хорошо известных текстов, стали появляться новые сочинения, написанные непосредственно «на злобу дня». В 1512 г. издатель Ричард Пинсон опубликовал буллу папы Юлия II, провозглашающую французского короля врагом Церкви. Текст сопровождался пространным комментарием Джеймса Уитстонса, в котором ученый муж подробно разбирал права короля Генриха на французскую корону, призывая к войне против тирана и схизматика Людовика XII³⁴. В том же году свет увидела анонимная поэма, в которой конфликт между Англией и Францией представлен в виде метафорической битвы цветов: символизирующей Францию лилии, с ее удушающим неприятным запахом, успешно противостоит олицетворяющая Англию свежая алая роза, источающая нежнейший аромат³⁵. Именно в это время в Англии появился первый трактат, непосредственно посвященный защите прав английского короля на французскую корону и суверенитет над древними континентальными владениями Плантагенетов.

В отличие от Англии, в которой жанр политического трактата стал популярным лишь в XVI в., во Франции за годы Столетней войны было создано несколько десятков антианглийских полемических сочинений. Большая часть этих произведений, авторы которых, как правило, принадлежали к кругу «*officiers*», выходцев из канцелярской или парламентской среды, не просто посвящена критике пороков и недостатков противника, но построена на детальном анализе с последующим опровержением всех аргументов, приводимых английской стороной в пользу своих притязаний³⁶. Весьма показательным, что один из последних трактатов такого плана был написан предположительно Гийомом Кузино около 1462–1463 гг., то есть в разгар военных приготовлений Эдуарда IV, непосредственно по заказу Людовика XI. Этот трактат, известный в научной литературе по

³⁴ De iusticia & s[an]ctitate belli per Juliu[m] pontifice[m] secu[n]du[m] in scismaticos [et] tira[n]nos p[at]rimoni[u]m Petri inuade[n]tes indict allegation[ne]s // A Short-title Catalogue of English Books, 1475–1640. 3 vols. / Ed. by W. A. Jackson, F. S. Ferguson, and K.F. Pantzer. 2nd edition. L., 1976–1991. N. 25585; *Taylor G. Op. cit.* P. 32.

³⁵ The Gardyners Passetaunce Touchyng the Outrage of France / Ed. by F. B. Williams. L., 1985.

³⁶ *Taylor G. Op. cit.* P. 1.

началу первой фразы «Pour ce que plusieurs», сохранился в двадцати списках и между 1480 и 1558 гг. издавался, по меньшей мере, одиннадцать раз, что свидетельствует о его чрезвычайной популярности. Этот текст был не только прекрасно известен во Франции, его также хорошо знали и английские оппоненты³⁷.

Первый антифранцузский полемический трактат в Англии «Декларация истинного и должного титула Генриха VIII», составленный неизвестным автором непосредственно перед королевской кампанией 1513 г., был задуман как ответ на сочинение Кузино. Посвященный истории англо-французских противоречий и разногласий, этот труд композиционно представляет собой развернутые английские ответы, опровергающие тезисы французского автора. Объясняя читателям цели работы, неизвестный англичанин открыто обвинил Людовика XI в том, что он замыслил уничтожить в своем королевстве все хроники и другие сочинения, рассказывающие правду об англо-французских взаимоотношениях, подменив их полными лжи писаниями, искажающими подлинную историю, чтобы, таким коварным образом, уничтожить память о правах законного короля на Францию. Желание поведать своему государю и всему миру правду было, по утверждению автора, лишь побочной целью. В первоначальной версии автор отрицал, что написанный им труд был задуман с целью заставить английского короля возобновить борьбу за свое наследство. По его утверждению, это сочинение должно было всего лишь обличить лицемерие и подлость французов, а также предостеречь англичан от внутренних распрей, ведущих к таким серьезным потерям, как утрата владений на континенте³⁸. Однако, когда в 1513 г. война все же началась, аноним снял последнюю оговорку, постулируя уверенность в том, что «Бог дарует англичанам храбрые сердца не только для того, чтобы они защищали от французов свою родину Англию, свое наследство, жен и детей³⁹, но также, чтобы снова провозгласили и восстановили свое подлинное наследственное право на корону и все королевство Францию, а также вхо-

³⁷ Ibid. P. 3–7.

³⁸ A Declaracion of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII. P. 269–270.

³⁹ Очевидный намек на предпринятую по приказу Генриха VIII реорганизацию системы береговых укреплений и крепостей, целью которой была защита побережья от возможных нападений французов.

дящие в нее земли и владения, а именно Нормандию, Гиень, Гасконь, Анжу, Мен, Турень, Пуату, Понтье, Шампань, Прованс и другие, которые французы без какого-либо намека на законную или разумную причину захватили и удерживают от самого замечательного и достойнейшего государя Генриха VIII»⁴⁰. Несмотря на то, что этот текст так и не был опубликован вплоть до недавнего времени, он был хорошо известен в списках, получивших распространение при английском дворе и среди королевских официалов.

Сюжет о продолжении войны за французскую корону после «окончания» Столетней войны можно было бы разрабатывать до бесконечности. В начале правления Елизаветы I извечные противники Англии — Шотландия и Франция — смогли «нанести ответный удар», когда по наущению свекра Генриха II юная Мария Стюарт выдвинула свои притязания на титул английской королевы. Для католиков всего мира права на трон рожденной вне законного брака Елизаветы были более чем сомнительными. Не собираясь начинать войну с Англией даже в интересах супруги своего наследника, Генрих II, тем не менее, не мог упустить возможность хотя бы формально оспорить титул Елизаветы, тем более, что вместе с титулом королевы Англии та приняла и титул французской государыни. В 1559 г., отказывая Елизавете в требовании вернуть по условиям мира в Като-Камбрези захваченный в январе предыдущего года Кале, Генрих не смог отказать себе в удовольствии съязвить: «в этом случае Кале следует передать супруге дофина, королеве Шотландии, которую мы все считаем истинной королевой Англии». Уже через год, в июле 1560 г., шотландские лорды от имени своей королевы «навечно» отказались от любых притязаний на английский престол. Для самой же Марии погоня за английской короной закончилась на эшафоте в 1587 г. А вот ее более удачливая кузина так и не отказалась от призрачной французской короны, даже несмотря на дружеские отношения с Францией.

Позднее не только пришедшие на смену Тюдорам Стюарты, но и представители Ганноверской династии продолжали по мере необходимости апеллировать к проблеме защиты своих «прав» на Францию или отдельные земли, входившие в состав Французского королевства. Какими бы ни были истинные причины англо-французских

⁴⁰ A Declaracion of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII. P. 252.

противоречий XVI–XVIII вв., тема войны за «законное наследство» неизменно муссировалась в английском обществе. Лишь Георг III в 1801 г. от собственного имени и от имени своих потомков окончательно отказался от титула французского короля и убрал лилии с государственного герба. Таким образом (если не учитывать последующую Реставрацию), можно утверждать, что английские притязания на французскую корону просуществовали дольше, чем сама французская монархия.